

Ускользнувшие надежды

Своими словами император полностью перекрыл дорогу для Лу Ляньсинь во дворец. Все ее честолюбивые планы достижения успеха рухнули в один миг.

Он также отрезал ей путь социального восхождения, потому что многие теперь не захотят видеть ее в высших кругах общества. Ведь оскорбить императора - значит оскорбить небеса.

В этой стране император обладал огромной властью, и, если он решит, что кому-то надо умереть - тот умрет, потому что такова его воля.

Потеряв все надежды на яркую и успешную жизнь, Лу Ляньсинь была раздавлена, у нее тряслись руки, она хотела вцепиться в Лу Цинву, но не могла двигаться.

Лу Цуфен был потрясен и шокирован последними событиями. Хотя ему удалось выпутаться из опасного положения и сохранить себе и младшей дочери жизни, но...сто тысяч золотых слитков! При мысли об этой цифре у него начинали болеть зубы!

Он чувствовал, как будто его тело придавило огромным камнем. Ему было трудно дышать, он мог только ухватиться за Лу Ляньсинь и, путаясь в словах от волнения, поблагодарить императора за его «милость».

Его трясло от злости из-за того, какие беды навлекла на семью Младшая дочь.

Но этот вопрос еще не был закрыт, и никто не знал, что у императора на уме. Вдруг он вспомнил, что императорская наложница Руан, оказывала протекцию Лу Ляньсинь, и, подумав о ее родстве с матерью девушки, внимательно посмотрел на нее.

Она молчала все это время в надежде, что император забудет о ее поддержке ныне опальной Лу Ляньсинь. Но император думал вовсе не о ней, он возложил ответственность за случившееся на другую женщину. Он сказал:

-Эта девушка необразованная, и это, безусловно, вина ее матери. Мать обязана научить свою дочь всему необходимому, иначе эта мать бесполезна. Как она могла стать главной женщиной в твоём доме? Левый премьер-министр, что скажешь?

-Да! Да! Ваш поданный осознает эту ошибку! Он понимает! Госпожа Руан не может сейчас стать законной женой.

Он вытер пот на лбу, быстро ответив. Неважно, что император сегодня скажет - ему придется со всем согласиться.

В противном случае, он не уверен, что сможет покинуть дворец в целости и сохранности.

Император был наконец удовлетворен, но императорская наложница Руан сделала кислую мину. И тут же прикрыла свое недовольное лицо платочком. Показывать свое недовольство при императоре ни одна наложница, у которой с головой все в порядке, не будет.

Она посмотрела холодным взглядом на Лу Ляньсинь. Эта девушка - идиотка! Ей дали такую блестящую возможность, а она все испортила.

Когда Лу Ляньсинь услышала решение императора, она безусловно огорчилась из-за запрета на использование иголки всю оставшуюся часть ее жизни, но это огорчение не могло

сравниться с ее расстройством, когда она узнала, что не сможет стать законной дочерью. Ее тело содрогнулось.

Лу Цуфен, почувствовав ее протест, быстро схватил и пригнул ее к полу.

-Если ты решила замутить еще какие-то проблемы, этот старик сломает тебе ноги!

Кроме как вредить себе и всем вокруг нее, что еще она умела делать? Неужели она думает, что принесла мало бед?

Лу Ляньсинь обиженно закусила губу и уставилась в пол прямо перед собой.

Все эти годы ее мать тратила столько времени и усилий, чтобы угодить императрице, чтобы порадовать ее тетю Руан, но в этот злополучный вечер от нее навсегда ускользнул титул талантливой девушки! Она надеялась стать законной дочерью – теперь и это невозможно!

Успех был так близок, она уже почти получила желаемое, и неожиданно все ее шансы были уничтожены! Что дурного в этой картине? Почему император так страшно рассердился? Почему?

Лу Ляньсинь не понимала, не могла понять.

Правый премьер-министр Ли Мяо тем временем оценивал все события, произошедшие этот вечер.

Он видел, как Лу Цуфен резко удержал свою дочь от дальнейших безумных и ошибочных действий, и его глаза блеснули, но он промолчал.

Потом он перевел взгляд на изящный профиль Лу Цинву. Она молчала с достоинством и спокойствием, как будто это неприятное событие никак не было связано с ней.

Это был первый раз, когда глаза Ли Мяо изучали человека столь тщательно, и у него появилось плохое предчувствие, но потом он решил, что, возможно, всему виной ее аура. Ей было всего пятнадцать – вряд ли в этом возрасте человек способен на изощренные интриги.

Он протер край чашки перед ним и быстро обдумывал ситуацию. Ему надо было уладить свои дела. Ведь он почти связал себя с этой семьей.

Император, внезапно получив сто тысяч золотых слитков, был в чрезвычайно хорошем настроении, он взмахнул рукой, и Лу Цуфен вернулся на свое место.

Лу Цуфен озабоченно потащил Лу Ляньсинь подальше от глаз императора, с силой затолкав на место. И только, когда они сели, он, наконец, мог вздохнуть с облегчением.

Затем он обнаружил, что его парчовый халат полностью промок от холодного пота. Но что бы ни случилось, он защищал семью Лу, он защищал свой официальный ранг. Его жизнь была спасена, и это – главное.

Песни, танцы и прочие развлечения на этом банкете уже не представляли никакого интереса для несчастного Лу Цуфена. Погрузившись в тяжелые думы, он посмотрел на Старшую дочь.

При мысли о ее находчивости, спасшей ему жизнь, в его глазах мелькнула признательность.

-Цинву, на этот раз благодаря тебе все закончилось хорошо. В противном случае твой отец и

вся семья Лу, вероятно, были бы в опасности! Хотя сто тысяч золотых слитков – огромная сумма, это золото менее ценно, чем жизни и честь семьи Лу.

Лу Цуфен понял расчет Лу Цинву, которая оказалась настолько умна, чтобы понять: падение семьи Лу навредит семье Руан, связанной родственными узами с матерью Лу Ляньсинь.

Таким образом, даже если глава семьи Руан будет против, ему все-таки придется раскошелиться и прийти на помощь госпоже Руан, так как для нее окажется смертельным невыполнение обязательства данного императору.

Глаза Лу Ляньсинь округлились от удивления:

-Отец, что случилось? Почему ты благодаришь ее?

У Лу Цуфена лопнуло терпение! Он отвесил ей шлепок.

Он безумно любил Лу Ляньсинь, и всегда помнил про то, что она происходит из семьи Руан, но сегодня, если бы не она, ничего бы вообще не случилось.

Он не замечал этого раньше, но чем больше он сейчас смотрел на свою Вторую дочь, тем мрачнее становился. Как она может быть такой невероятно тупой, что до сих пор не понимает свою ошибку?!

Мало того, что она не могла понять, что происходит, но она даже осмелилась попытаться возразить императору. С чего она решила, что ей это дозволено?

Если бы она открыла рот еще раз, это вызвало бы новую вспышку гнева императора, и, даже будь у нее десять жизней, ей бы все равно их не хватило, чтобы спастись.

Лу Ляньсинь и в голову не могло прийти, что Лу Цуфен будет так зол, что ударит ее по лицу перед всеми. Она была в шоке!

Ледяные пальцы Лу Цинву коснулись чашки, и она подняла голову, говоря бесстрастным голосом:

-Ах, сестричка, как же ты мало знаешь о столь важных для преданных поданных вещах: пять когтей делают дракона и четыре когтя делают змея. Ты была так не осторожна!

Лу Ляньсинь, которая до сих пор не поняла, сколько неприятностей она создала, действительно, была настолько глупа, что не желала даже взглянуть на нее.

-Пять когтей делают дракона, четыре когтя делают змея, - повторила Лу Ляньсинь и закрыла лицо.

Она затряслась, становясь все более испуганной, ее глаза закатились, и она упала в обморок.

Лу Цуфен посмотрел на нее с ненавистью за то, что не оправдала его ожидания, он был так зол, что готов был пронзить ее взглядом.

Опасаясь привлечь внимание императора, он мог только поспешно приказать слугам унести из зала Младшую дочь, и облегченно вздохнуть при мысли, что в этот вечер она больше не заставит его терять лицо.

Хорошо, что гости сосредоточили внимание на танцующих в центре зала, и почти никто не

заметил, как Лу Ляньсинь упала в обморок, и как ее бесшумно унесли.

Но все же был один человек, кто следил за тем, что происходит с семьей Лу. Сяхоу Руи внимательно смотрел на Лу Цуфена и его дочерей все это время.

Он сощурил глаза, наблюдая за спокойной девушкой, что пила чай недалеко от него, и его глаза потемнели.

В его голове прозвучали слова, которые она только что сказала, слова, казавшиеся чрезвычайно обычными, но все обратили внимание только на сто тысяч золотых слитков. Сяхоу Руи подумал, что дело не так просто, как кажется на первый взгляд.

Своей фразой Лу Цинву, как бы случайно, обвинила в преступлении Лу Ляньсинь.

Она использовала проблему, существовавшую перед императором, в связи с нехваткой продовольствия в армии, и сотню тысяч золотых слитков, чтобы отвлечь внимание и заставить отца-императора расслабиться.

Это событие также нанесло удар по семье Руан.

Исходя из того, что Лу Цуфен жил на жалование, он мог выложить сейчас сто тысяч золотых слитков, разве что рискуя попасть под обвинение во взяточничестве.

Кроме того, семья Руан является самой богатой семьей в капитолии, находясь во главе четырех самых богатых семей, она связана с семьей Лу через госпожу Руан.

Имея деньги, им придется раскошелиться на решение чужой проблемы, хотя это даже не их вина.

Если Лу Цинву настолько коварна и планировала все шаг за шагом, то каждый шаг – это рождение Лотоса.

Его посетили подозрительные, пугающие мысли. Например, о том, что, возможно, картина “Дракон, парящий в небесах” вышита вовсе не Лу Ляньсинь.

Но он сомневался, что Лу Цинву могла так далеко зайти, чтобы использовать с огромным риском семью Лу в своих целях.

Но все было слишком случайным, подозрительно случайным, настолько, что волосы вставали на затылке.

Лу Цинву, казалось, почувствовала взгляд Второго принца. Она подняла глаза и спокойно встретилась с ним взглядом. Но она лишь вежливо кивнула головой, прежде чем вновь опустить глаза, склонив голову с видом нежным и изысканным.

Она сидела, как цветущий белый Лотос, в темноте этого вечера, - красивая, чистая, добродетельная и невинная!